

простая сумма статей. Тем более что это не изолированные издания, а очередные номера альманаха «Философский век». Во-первых, отдадим должное настойчивости и оперативности составителей: им удалось собрать тексты заранее и почти за месяц (15 мая 2002 г.) до начала конференции (6–8 июня 2002 г.) уже подписать сборники в печать. Конечно, приятно иметь к началу встречи вышедшие из типографии книжки. Однако предварительно опубликованные материалы — это определенный тип научного издания со своими серьезными достоинствами (оперативность, свежесть подачи, авторская свобода, возможность публикации для всех участников конференции, менее жесткие требования к сбалансированности разделов) и еще более серьезными недостатками (отсутствие рецензирования и, как результат, публикация откровенно слабых работ; отсутствие времени на гармонизацию текстов и, как следствие, их неровность; отсутствие редактирования). Это данность. И все дефекты в обоих сборниках — ее следствие²⁰. Однако в рассматриваемом случае перед нами не изолированный препринт, а очеред-

ные номера издания, претендующего на международный уровень. Поместив предварительные материалы конференции в альманах, издатели сразу поставили себя в двойственное положение, ибо за качество статей в первом типе издания они ответственности не несут, но про альманах этого уже не скажешь. Здесь иные требования. Для их выполнения существует несколько возможностей. Например, публикация препринтом тезисов или предварительных материалов исключительно для участников конференции²¹. А вот типографскому тиснению тексты (причем, не все) предаются уже после конференции, когда есть возможность их отрецензировать, гармонизировать, обеспечить наличие иноязычных резюме, индексов имен и т. п.

Остается пожелать составителям подумать над приоритетами, заменив, быть может, оперативность качеством и тщательностью отделки. Альманах «Философский век» уже достаточно известен и заслуживает того, чтобы превратиться в издание академического научного уровня.

Д. Ю. Гусевич

²⁰ Например, часть опубликованных текстов — чистые доклады, подготовленные для зачитывания вслух, а часть — статьи академического типа с примечаниями, источниками и аннотациями.

²¹ Например: Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: Мат-лы Междунар. науч. коллоквиум.: Саратов, 2–6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. Сборник тоже «гнали» к началу встречи (подп. в печать 27.8.2001). А сейчас готовится фундаментальное издание.

Абелев Г. И. 50 лет в иммунохимии опухолей. М.: РОНЦ им. Н. Н. Блохина, 2001. 191 с.

Тема этой книги, аннотированной как предыстория и история лаборатории иммунохимии опухолей Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина РАМН, в действительности шире; книга представляет собой историю становления в стране новой области биомедицинских исследований — онкоиммуноло-

гии, одним из создателей которой (наряду с Л. А. Зильбером) был Г. И. Абелев. Она компактна, в ней нет ничего лишнего, и вместе с тем в ней ясно изложен ход поиска, выявлена логика исследования и в целом дано представление о том, как реально делается наука. Представление, полученное «из первых рук» — от автора.

В авторском предисловии сформулированы задачи, которые хотел решить Г. И. Абелев с помощью этого издания: показать пройденный им и его коллегами путь в виде «плотных блоков решенных или поставленных проблем»; дать комментарии, которые наполнили бы перечисление решаемых проблем — успехов и неудач — «цельностью и жизнью, питавшей и двигавшей нашу работу». Читатель может убедиться, что эти задачи блестяще решены. Книга очень интересна, и я позволю себе прокомментировать ее с позиции историка советского периода отечественной биологии, особенно заинтересованного в освещении истории биолого-медицинских исследований.

Стоит воспроизвести оглавление книги, так как ее тираж недопустимо мал, и трудно сказать, скольким читателям она будет доступна:

Глава 1 — «Методы», которые автор рассматривает как «аппарат проникновения в природу явлений и как почву под ногами — зыбкую или надежную». Сказано точно, и любой исследователь-экспериментатор согласится с этим замечанием;

Главы 2 и 3 — «Альфа-фетопротейн — биология» и «Альфа-фетопротейн в иммунодиагностике опухолей» — история фундаментального открытия и история разработки первого научного экспресс-метода диагностики злокачественных опухолей, а именно: иммунодиагностики гепато-целлюлярного рака (ГЦР);

Глава 4 — «Органоспецифические антигены» — история развития проблемы, которая первоначально «казалась не связанной напрямую с антигенами злокачественных опухолей или другими проблемами, представляющими онкологический интерес» (с. 99). Со временем, однако, выяснилось, насколько она важна для понимания природы опухолевого роста и, следовательно, важна с практической, прикладной точки зрения;

Глава 5 рассказывает об исследованиях антигенов ряда вирусных опухолей, а заключительные главы (6 и 7) — об организации специального курса лекций в МГУ, популяризации онкоиммунологии как области исследований, событиях в жизни научного сообщества, активным членом которого продолжает быть автор, и — по необходимости коротко — об учителях и товарищах. Кроме того, дана полная библиография публикаций автора и лаборатории иммунологии опухолей начиная с 1951 г. (623 наименования), что представляет особый интерес для историков науки.

Любопытна история, связанная с началом научной работы автора — дипломной работой под руководством А. Н. Белозерского. Она была посвящена выделению (впервые) из бактериальных клеток гистонов, о которых тогда писали осторожно «гистоноподобные белки». Обращает на себя внимание событие, отмеченное автором мимоходом: «Попав волею судьбы и случая в биохимический отдел Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи, и с благословения ныне покойного заведующего отделом Василия Андреевича Благовещенского я стал дорабатывать свою модификацию метода» (с. 123). Отметим, что это был не такой уж слепой случай. В. А. Благовещенский был сыном профессора А. В. Благовещенского, учителя А. Н. Белозерского в Ташкентском университете. Выпускник Московского университета 1949 г. Абелев по ряду причин не получил принятого тогда распределения, и на работу ему устроиться было трудно. Проявившаяся здесь поддержка А. Н. Белозерского была оказана вовремя.

Далее интерес Абелева к работам в отделе Л. А. Зильбера (в том же институте), где главной проблемой были нуклеопротеиды опухолей, возник еще и потому, что работа по бактериальным гистонам также была связана

с выделением нуклеопротеидов. Консультантом Зильбера в этой области был Белозерский. И Абелев начал «потихому» работать с сотрудниками Зильбера вопреки заведующему своей лаборатории В. С. Гостеву, сменившему к тому времени Благовещенского («с нуклеопротеидами мы работать будем, а с Зильбером — никогда»). Л. А. Зильбер заметил молодого Абелева и, приватно поговорив с директором В. Д. Тимаковым (бывшим слушателем Зильбера на курсах ЦИУ врачей еще в начале 1930-х гг.), согласовал переход Абелева в свою лабораторию.

Здесь талант Г. И. Абелева раскрылся в полной мере, в чем можно убедиться по прочтении последующих глав книги. Виртуозный экспериментатор становится глубоким теоретиком, последователем учителя и терпеливым воспитателем нового поколения, которому передает не только исследовательский опыт, но и никак не навязываемый стиль поведения в сотрудничестве, подкрепленный личным примером безупречной этики. Эта простая история подтверждает важность поддержки старшим поколением молодежи при вхождении в науку и значение взаимопонимания для рождения научной школы.

Книга интересна обилием в ней героев, описанных автором доброжелательно и с уважением. Это институтский фотограф и микроскопист Н. Н. Соловьев, «энтузиаст сепараторов» инженер Г. С. Безверхий, «директор производства Н. Е. Лебедев, человек очень энергичный и влиятельный», «большой поклонник Л. А. Зильбера и его исследований» директор завода «Физприбор» Д. В. Укладов (поминаемый с благодарностью многими учеными, работавшими в 1950–1960-е гг.), близкие старшие коллеги — Н. А. Нарциссов («серолог, чрезвычайно тщательный и скрупулезный исследователь»), З. Л. Байдакова («опытнейший сотрудник-иммуно-

лог»), А. С. Глейberman («наш гистолог, виртуозно красящий и тонко чувствующий клетки») и многие, многие другие. Л. А. Зильбер (1894–1966), памяти которого посвящена книга, присутствует во всех событиях жизни отдела 1950–1960-х гг. и — незримо — в дальнейшем. О нем автор пишет как об учителе, положившем начало «всем нашим исследованиям».

Книга также замечательна описанием хода исследований: «мы упивались иммунодиффузией и ее потенциальными возможностями, что совпадало с повсеместным распространением метода и его усовершенствования [...] Простым и эффективным решением стала постановка в “четверках” — опубликованная и заграницей, она очень быстро распространилась и с легкой руки англичанина Файнберга получила название *square pattern*» (с. 24)¹. И заключение сюжета: «он пригласил меня в Лондон на *Siba Foundation Symposium* по преципитации в геле. Меня, естественно, не пустили» (с. 25) — шел 1959 год. Описаны детали иммунодиффузионной системы анализа антигенной структуры тканей «на уровне индивидуальных антигенов», метод изотохофореза, с помощью которых и были получены принципиальные результаты, сделаны открытия.

Вряд ли стоит пересказывать содержание книги дальше (мы рассмотрели только первую главу). Отметим лишь, что многое в ней, возможно, удивит современного студента, приобщающегося еще на практических занятиях к куда более совершенному (в основном

¹ Нелишне отметить, что история создания метода получила независимое отражение в анналах мировой иммунологии. См.: Kew M. C., Abelev G. I., Assecritova I. G., Kravetsky N. A., Perova S. D., Perevodchikova N. I. Embryonal serum α -globulin in cancer patients. Diagnostic value [Int. J. Cancer. 1967; 2: 551–558] // Journal of Hepatology. 2002. Vol. 37. P. 172–175.

импортному) оборудованию и множеству удобных мелких инструментов и приспособлений, как-то: дозаторы «Eppendorf», шприцы «Hamilton», одноразовая посуда (Абелев, имея в распоряжении препаратора, никому не доверял мыть посуду для опыта) и пр. Его удивит и несовершенство лабораторной техники того времени, равно как (а, думаю, и значительно больше) — изобретательность и упорство экспериментаторов, закладывавших основы современных направлений биохимии и клеточной биологии в 1950–1960-е гг. В начале 1950-х гг. (когда Л. А. Зильберу, присутствовавшему при «дележе» поступившего в Минздрав оборудования, приходилось буквально со слезами выпрашивать у министра ультрацентрифугу «Spinko», необходимую для выделения из опухолей ядерных нуклеопротеидов и идентификации в них вирусных ДНК²) были выполнены исследования, определившие эволюцию взглядов на место вируса в злокачественной трансформации клеток. В дальнейшем, на рубеже 1960–1970-х гг., группой в 3–4 человека уже под руководством Г. И. Абелева почти в таких же скромных условиях были сделаны блестящие работы по биологии первого из выявленных специфических опухолевых антигенов — альфа-фетопротеина, разработана и опробована первая тест-система для диагностики рака. В процессе работы освоены и усовершенствованы многие клеточные и молекулярные модели, сформулирована гипотеза, сделано много предсказаний — «вполне конкретных и экспериментально проверяемых, что от гипотезы и требовалось».

² Автор замечает в скобках, что министр М. Д. Ковригина была настолько потрясена этим обстоятельством — Зильбер «был железный человек», — что дала-таки ему эту центрифугу, в то время одну из двух на АМН СССР.

В ходе исследований по биологии альфа-фетопротеина (АФП), ведущихся в лаборатории (а проблема дифференцировки клеток печени и регуляции экспрессии АФП в эмбриональном развитии и при раке уже была на пике интереса профессионального научного сообщества во всем мире) и описанных автором книги, просматривается бесспорная логика. В последнее десятилетие смена подходов привела к превалированию в исследовании «молекулярщиков» с их стремлением разложить систему сигнализации (внутриклеточные и межклеточные пути передачи информации) на составляющие и выстроить цепочки взаимодействующих в этих процессах молекул рецепторов, индукторов, активаторов. В лаборатории и в это время, когда сложность задачи и технологичность эксперимента выросли многократно, смогли не утратить лидерства и, успешно сочетая подходы, остаться на переднем крае. Автор подчеркивает, что группа руководимых им исследователей как раз и стремилась вывести проблему регуляции АФП в сферу внимания клеточных и молекулярных биологов, что было далеко не просто. Изучение АФП, начатое когда этот белок рассматривался как специфический антиген гепатомы, прошло через теоретические и практические этапы изучения проблемы и остановилось в области молекулярно-клеточных механизмов регуляции его синтеза. Разработанная в мире, в том числе и в лаборатории Г. И. Абелева, система стала одной из наиболее четких и выразительных в фундаментальной проблеме регуляции генов в онтогенезе и канцерогенезе. Практические же диагностические проблемы были полностью (автор осторожно оговаривается «почти полностью») решены (см. главу «Альфа-фетопротеин в иммунодиагностике опухолей», где также не забыт никто из участников исследования). В этой главе описана история международно-

го сотрудничества, начинавшегося, как это ни было проблематично, еще в условиях «холодной войны» и осуществлявшегося с большими трудностями. Невольно напрашивается сравнение истории работы лаборатории Абелева с историей открытия двойной спирали ДНК — Дж. Уотсону и Ф. Крику никто не препятствовал в контактах с нужными специалистами в Европе или Америке, если возникала необходимость в консультации³.

Отдельная область историко-научного творчества Г. И. Абелева — волнующая автора проблема научной этики — в книге представлена небольшой главой «Биографические очерки и жизнь науки». Здесь же рассмотрены (кратко, со ссылками на опубликованные в конце 1980-х — 1990-е гг. статьи)⁴ вопросы взаимодействия науки и власти и личный опыт участия в столкновениях научного сообщества с научной же администрацией, направляемой партийным руководством под контролем «компетентных органов». Возможно, читателя и удивит нетрадиционное употребление автором термина «альтернативная наука», чаще встречающегося в значении «псевдоили лженаука». Г. И. Абелев употребляет его в значении противоположном, имея в виду деятельность научного сообщества, устойчивого к идеологическому давлению и максимально дистанцировавшегося от суеты, связанной с необходимостью «соответствовать моменту» или участием в очередной «кампании», которых пришлось немало на описанный автором период времени. «Альтернативная наука» в этом

понимании продолжала существовать параллельно и независимо от «официальной», где взгляды колебались вместе с известной «генеральной линией». Члены первого из упомянутых научных сообществ были не только преданы идеалам своей науки (возрождали классическую генетику, развивали новые подходы в биологии развития, иммунологии, вирусологии и других областях биологической и медицинской науки), но оставались общественно активными, не отстраняясь от происходящих в стране событий. Будучи патриотами, они отказывались аплодировать введению советских войск в Чехословакию и Афганистан, осуждали диссидентство и эмиграцию, пытались противостоять избранию в члены Академии партийных функционеров.

Написанное Абелевым превосходит все сказанное до сих пор о том времени, хотя по точности описания интриги собственно исследования многое роднит его повествование с книгой известного молекулярного биолога Г. П. Георгиева⁵, весьма интересной, но почти лишенной сюжетов, выходящих за пределы узкоспециальной экспериментальной работы исследователей.

Хотелось бы увидеть собранными под одной обложкой статьи Г. И. Абелева — яркие свидетельства времени и размышления о жизни неординарного и равнодушного к происходящему мудрого человека. Статьи и рецензируемая книга были и остаются проявлением его личной позиции и данью уважения единомышленникам.

Е. С. Левина

³ См.: Уотсон Дж., Крик Ф. Двойная спираль. М.: Наука, 1970.

⁴ Статьи чрезвычайно интересны, о чем можно судить хотя бы по недавней публикации: Абелев Г. И. Драматические страницы истории Отдела вирусологии и иммунологии опухолей // ВИЕТ. 2002. № 1. С. 136–158; № 2. С. 313–355.

⁵ Георгиев Г. П. Гены высших организмов и их экспрессия. М., 1989.